

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ГОРОЖАН (НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)**

Е. Ю. Позднякова

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

В статье рассматривается проблема соотношения природного и социального времени. «Природное» время представляется как цикличное, основанное на восприятии природных циклов человеком, а время, переживаемое личностью, описывается как линейное. Эти модели дополняются концептуальной и перцептуальной моделями, представляющими собой разновидности субъективного времени и приложимыми также к рассмотрению пространства. Перцептуальная и концептуальная модели пространства-времени смыкаются в процессе репрезентации человеком окружающей действительности, в нашем случае, в ходе формирования образа города в языковом сознании горожан.

Ключевые слова: хронотоп, языковое сознание, перцептуальное и концептуальное пространство-время, образ города.

**THE REPRESENTATION OF TIME AND SPACE IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF
THE CITIZENS (BASED ON THE FOLK-CONVERSATIONAL SPEECH)**

Y. Y. Pozdnyakova

Altai State Technical University named after I. I. Polzunov, Barnaul, Russia

The problem of correlation between the «natural» and «social» time is under discussion in the article. «Natural» time is represented as a cyclical, based on the personal perception of natural cycles, and personal time (“lived time”) is described as a linear. These models are added by perceptual and conceptual models, a variety of subjective time and may also be used to characterize space. Perceptual and conceptual models of space-time unite in the process of representation of the reality by human; in our case, during the formation of city image in the linguistic consciousness of the citizens.

Keywords: chronotope, linguistic consciousness, perceptual and conceptual models of space-time, city image.

В конце XX – начале XXI века актуализировались лингвистические исследования пространства и времени и их отражения в языке. В связи с антропоцентрической ориентированностью современной лингвистической науки, наиболее важными аспектами исследований стали вопросы о том, как человек понимает мир, какими средствами осуществляется познание, как человек воспринимает окружающую действительность.

Одной из проблем, нашедших отражение в современных лингвистических исследованиях, является проблема соотношения «природного» и «социального» времени. На различие этих двух моделей времени одним из первых обратил внимание английский историк Э. П. Томпсон, который в своей работе «Время, трудовая дисциплина и промышленный капитализм» еще в 60-е гг. XX века ставит проблему перехода от «природного», кон-

кретного времени, к абстрактному, определяющему жизнь современного человека. По утверждению Э. П. Томпсона, в период между 1300 и 1650 гг. в Европе коренным образом изменилось отношение ко времени [1, с. 56]. Если в прошлом время измерялось ритмом трудовых процессов и домашних работ и находилось в прямой зависимости от природных ритмов, то с появлением наемного труда решающей становится цена времени, выраженная в деньгах.

«Природное» время представляется как цикличное, основанное на восприятии природных циклов человеком, а время, переживаемое личностью, описывается как линейное, «расчлененное “точкою присутствия” на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [2, с. 688]. «В этих двух моделях категория времени предстает как концептуально-языковая (или лингвокуль-

турологическая) категория, языковыми средствами выражающая представления о времени, сложившиеся в сознании человека и культуре» [3, с. 19]. Данные модели, традиционно выделяемые историками (Э. П. Томпсон), культурологами (Н. А. Бердяев, А. Я. Гуревич и др.) и лингвистами (Н. Д. Арутюнова, Н. С. Сергиева, Е. В. Падучева, В. И. Поставалова, Е. С. Яковлева и др.), дополняются перцептуальной и концептуальной моделями, представляющими собой разновидности субъективного времени.

Концептуальное время – время абстрактное, понятийное, предельно обобщенное; в то время как перцептуальное время – это чувственно воспринимаемое время, которое играет большую роль в процессе отражения человеком объективной действительности. Э. П. Томпсон полагает, что возвращение к прежней культуре и к традиционному восприятию времени невозможно. По словам ученого, «для заполнения значительно расширяющегося свободного времени человеку следует соединить элементы старой и новой культуры в новом синтезе, ориентированном не на годовой цикл, но и не на рынок, а на потребности человека» [1, с. 96]. На вопрос о том, возможен ли подобный синтез, Э. П. Томпсон не дает однозначного ответа. Тем не менее, следует отметить, что в исследованиях, посвященных изучению категории времени в русском языке (и шире – в русской культуре), утверждается, что описанные модели времени сосуществуют и дополняют друг друга. Е. С. Яковлева пишет, что «восприятие жизни как локализованной вовне сменяется или, лучше сказать, дополняется восприятием жизни в категориях внутреннего созерцания, которая с необходимостью предполагает личностную ориентацию» [4, с. 66]. Н. С. Сергиева также отмечает, что «различение концептуальной и перцептуальной моделей не предполагает их противопоставления. Обе модели принадлежат человеку как субъекту познания, восприятия и деятельности» [3, с. 19], что позволяет исследователю рассматривать данные модели пространства и времени как опосредованные культурой и переживаемые личностью.

Человек не существует вне времени и пространства. По мнению Н. Д. Арутюновой, «именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит линию времени на составляющие, <...> языковые модели времени могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само вре-

мя» [2, с. 689], причем в первом случае линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы и называется ученым моделями «Пути человека». Модели времени, соотносимые с линией судьбы человека, прослеживаются в речевых контекстах, выделенных из народно-разговорной речи жителей города: «*Чё толку жаловаться на **жисть**-то: всё равно нонче не изменить ничего*» (жен., 65 л.). «*Я **смалечку** учила детей шить, варить*». «*На кирпичном заводе была. А такая еще **малёночка** была* (жен., 89 л.). «*Многие **нонче** жалуются, что **жизнь** плоха, может и так, да... Слава Богу, не така, как мы-то жили*» (жен., 66 л.).

Выделяемые модели концептуального и перцептуального времени приложимы и к рассмотрению пространства. Концептуальное пространство есть пространство предельно обобщенное, абстрагированное (как и концептуальное время). Как говорит Н. С. Сергиева, «содержание категорий пространства и времени представляет собой совокупность фундаментальных признаков, по которым происходит обобщение: протяженность, рядоположенность, длительность, последовательность, непрерывность, прерывность, устойчивость, изменчивость, конечность, бесконечность, граница, окрестность, расстояние, размерность, необратимость и др. В результате достигается максимальная степень генерализации, а набор выделенных свойств характеризуется большой степенью общности и фундаментальности» [3, с. 19]. Перцептуальное пространство – субъективно, индивидуально, оно формируется в процессе репрезентации окружающей действительности и построения картины мира человека. Кроме выделения концептуального и перцептуального пространства, значимым в лингвистических исследованиях (Е. С. Кубрякова, Е. С. Яковлева) признается выделение пространства «ньютоновского», отвлеченного от человека-наблюдателя, и «лейбницевского» – одушевленного присутствием человека [см. 5, 6]. Брагина Н. Г. подчеркивает, что «"обжитое" (лейбницевское) пространство описывается в языке как имеющее границы и как предметное (в нем существуют вещи)» [7, с. 99].

При восприятии городского пространства мы имеем дело именно с субъективными моделями пространства и времени, зафиксированными в рассказах жителей города, в воспоминаниях, в городских мифах и легендах. При этом временной план тесно сплетается с пространственным, образуя единый город-

ской хронотоп, в котором события оказываются погруженными не только в определенный временной контекст, но и связаны с конкретными пространственными координатами. Так, например, в воспоминаниях барнаульцев стихийно возникают картины городского пространства, истории отдельных мест города: *«И вот приехали мы в Барнаул, нашли квартиру, подле выемки вот там, вот такой был Копай-Город, землянки настроены»* (жен., 80 л.).

В рассказах горожан отражается своеобразный субъективный, перцептуальный образ города: *«Вот так я впервые увидел Барнаул: дороги, конечно, булыжником – это в лучшем случае, были уложены, а так – песок, и, конечно, Барнаул деревянный»* (муж., 80 л.). Заметим, что при этом довольно отчетливо прослеживаются маркеры городского пространства – отдельные, «точечные» объекты, служащие определенными ориентирами для горожан, например: *«Вот Небо-скрёб, его называют, тут был в Барнауле, это было самое большое, и почти не было зданий»* (муж., 80 л.).

Е. Л. Березович, изучая основные концепты традиционной картины мира, относящиеся к сферам ПРОСТРАНСТВО и ЧЕЛОВЕК, утверждает, что «при формировании образной основы языковых единиц предел знакомого и незнакомого мира может быть задан не только с помощью статичного «видеонаблюдения», но и маршрутно, при мысленном передвижении из дома к некоторой особо значимой точке, аксиологически выделенному пространственному пределу» [8, с. 195]. Исследователь называет данный эффект маршрутным видением. Примерами подобного «маршрутного видения» являются воспоминания барнаульцев, так или иначе связанные с передвижением по городу: *«Можно сказать, что первоначально Барнаул был похож на деревню. Ленинский был неасфальтирован, повсюду была грязь, тротуар из досок. Вот идешь на работу по такому тротуару: стук-стук, все слышно. Это было в 40-х годах»* (муж., 82 г.). В данных примерах также зафиксированы перцептуальные модели пространства-времени.

Таким образом, наши наблюдения над народно-разговорной речью горожан позволяют сделать вывод о том, что при формировании образа города большое значение имеют пространственные и темпоральные характеристики, зафиксированные в речевых контекстах. Наиболее значимыми признаются перцептуальная и концептуальная модели

пространства-времени, которые смыкаются в процессе репрезентации человеком окружающей действительности, в нашем случае, в ходе формирования образа города в языковом сознании горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tompson, E. P. Time, work-discipline, and industrial capitalism / Past and Present, No. 38. (Dec., 1967), pp. 56-97. – <http://www.jstor.org/about/terms.html>.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999. – 896 с.
3. Сергиева, Н. С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. – 42 с.
4. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания, 1998, № 3. – С. 43-73.
5. Кубрякова, Е. С. О понятии места, предмета, пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Наука, 2000. – С. 84-92.
6. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Изд. «Гнозис», 1994. – 343 с.
7. Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
8. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: «Индрик», 2007. – 600 с.

Елена Юрьевна Позднякова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культуры и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул